18+

Академия Хозяйка Рода
Ступень 2

Наталья Стукова представляет:
из серии
«Сказки моих учениц»

Нина Изгарова

Сборник Психологических Сказок

ПАМЯТИ ПРЕДКОВ

«Со-Творение»
Тренинговый центр
Салавата Юсупова

Нина Валентиновна Изгарова

Памяти предков. Сборник Психологических Сказок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71730883
ISBN 9785006557536

Аннотация

Книга состоит из простых историй из жизни предков. Многое может показаться сказочным, неправдоподобным, но ведь зачастую сама жизнь такова. Хотим мы этого или нет, но в жизни случаются и вовсе невероятные истории, которые иначе как сказочными не назовешь.Истории дотрагиваются до сердца, мурашками пробегаются по телу и превращаются в радость. Наверное, они ждали, чтобы их вспомнили и записали, а помогла это сделать Наталья Михайловна Стукова на курсе «Академия Хозяйки Рода 2».

Содержание

Предисловие	5
Встреча	9
Русалочий подарок	18
Прогулка под звездами	27
Велислав и Меланья	38
Не исчезнуть из-за раздоров	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Памяти предков
Сборник
Психологических Сказок

Нина Валентиновна Изгарова

Редактор Салават Данилович Юсупов
Вёрстка и оформление Алла Николаевна Письменная
Иллюстрации Елена Николаевна Патанина
Публикация книги ТЦ Со-Творение

© Нина Валентиновна Изгарова, 2025

ISBN 978-5-0065-5753-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Род это разросшаяся семья, где есть корни – родоначальники семьи, ствол – переплетённые кровеносные сосуды родства и ветки – дети, внуки, правнуки, дяди и тёти. Двоюродные и троюродные братья и сестры и так далее, по ветвям родства, коленам семейного древа. Начало Рода – отец и мать. Продолжение Рода – дети, рождённые от них.

Опираясь на две семейные единицы, рождаются два, три, четыре… семь «Я» – много ветвей одного древа, которые

обменивается своими энергиями ввысь, вширь и в глубину. Дерево растёт, впитывая солнечный свет, воду, воздух. Точно так же растут и обогащают друг друга – человек, семья, род, общество, этнос. Связь с корнями – это опора для роста.

Наверное, во мне говорит память предков, иначе, откуда взяться этой большой и непонятной любви к тем местам, о которых только и слышала из рассказов отца, мамы, бабушки, да видела с экрана телевизора. Эта память течёт в моей крови, я чувствую, хотя это вне понимания. Это настолько нереально, и необъяснимо, но, однако же, верно. Что еще может так тянуть в неизвестность, туда, где жили, любили, творили мои родичи?

Происходящие в прошлом чудеса зачастую кажутся сказкой, где-то смешной, где-то грустной. В общем, самой обыкновенной сказкой, но в каждой из них есть свой урок, своя мудрость, свой смысл. Мы несем в своей крови память предков, чтобы набравшись жизненных знаний и опыта передать её дальше.

Милые мои родители, добрые, самые лучшие на свете! Спасибо вам за то, что дали мне жизнь и подарили этот необъятный и прекрасный мир, за вашу любовь, нежность и переживания! Я склоняю голову перед вами, мама и папа, и посвящаю вашей памяти эти строки. Тебе, папа, первому

после Бога. И тебе, любимая мама!

*****

Отец мне очень часто снится. Весёлый, молодой, живой.

Над колыбелью он склонялся с моею младшею сестрой.

Потом меня наверх подкинул, поймал, и снова к потолку.

Серьёзным взглядом нас окинул: «Девчонки! Как я вас люблю!»

Он маму обнял, к ней прижался, на ушко что-то прошептал

И тихо-тихо засмеялся, когда её поцеловал.

Добытчик наш, и наш Хранитель, как много ты давал всегда.

По жизни наш путеводитель, для дочерей – суперзвезда.
Мы помним руки золотые и душу чистую отца,
И разговоры не пустые, и в такт стучащие сердца.
Ты нас прости, что были грубы, за баловство и озорство,
За то, что были скалозубы, за плутовство и удальство.
Тебе мы очень благодарны за жизнь науку и любовь,
Судьбы подарочки шикарны, И от отца полно даров.
****

Оказалась я, мама, в неоплатном долгу,
И сказать-то об этом я сейчас не могу.
Сколько было досады и бессонных ночей
От моих начинаний, от абсурдных затей.
Без тревог и печалей не дала тебе жить,
Ну а ты продолжала опекать и любить.
Помоги же мне, Боже, грехи замолить
И у мамы любимой снисхожденье просить.
Я сейчас понимаю, как мне мама нужна.
Чтоб тихонько обнявшись сидеть допоздна
Но она не обнимет, песню мне не споёт
Только ветерочком тихонечко вздохнет:
«Расправляй ты крылья за своей спиной,
Становясь свободной, становясь собой!»

Встреча

Лёгкое касание теней уже проносилось невидимой птицей, хотя сполохи зарниц освещали темнеющее небо. Мария медленно брела по берегу Амура, то и дело вытирая кулаком выступающие слёзы и поправляя золотисто-каштановые волосы, завитые в блестящие кудри. Платье её из синего шёлка, тёмное и пышное, сливалось с сумраком и фигура казалась крошечной на фоне величественной реки, сопок и неба.

Женщина не понимала что с ней не так, или это со всеми не так, а у неё всё хорошо?

Михаил забрал сына, сказав, что с ним ребёнку будет намного спокойнее. Мама плачет и молится, а отец тихо вздыхает всё время. Только сестра постоянно успокаивает, что всё наладится, а сама отводит глаза в сторону. Обида навалилась и выхлестнула слезами, заставляя забиться в рыданиях, отозвалась болью во всём теле и она со стоном рухнула на каменистый берег.

– Мария! Ты где? – услышала она тревожный голос мамы, – Куда ушла одна?

Старая женщина, затаив дыхание и напряжённо вглядываясь в темноту, прислушивалась к каждому звуку. Но прежде чем ей удалось что-либо увидеть, слух уловил стон.

– Матка Боска! Тебе опять плохо? Марыся, Марысенька, ну зачем ты убегаешь всё время? – она горестно вздохнула, – Миша Валека привёл, а тебя нет, – вставай, пойдём домой.

Недвижно лежащая Мария пошевелилась и бессмысленными глазами уставилась на мать.

– Ты кто? – хрипло прошептала она, хватаясь за голову, – чего тебе надо? Ой-ёй, как больно! Помоги оторвать голову, а то так болит, мочи моей нет! – резко отвернувшись, подняла камень и бросила в мать, – уходи, я с чужими не разговариваю.

Михаил, зашедший тихонько с другой стороны, бережно

поднял Марию на руки, прижав к своей могучей груди, и что-то ласково зашептал ей на ухо. Женщина обмякла. диким, ничего не понимающим взглядом обвела присутствующих и притихла.

– Под Твоёу оборонэу учекамы щен, швента Божа Родзичелько. Нашими прозьбами рач… – шептала мать молитву по дороге до самого дома под размеренный шаг Михаила.

Уже дома, уложив Марию на кровать, напоив снадобьем он тяжело вздохнули вопросительно уставился на Юзефу и Яна, родителей Марии.

– Что мне делать? По службе в Никольск-Уссурийский отправляют. Приказ. Сына попробую там устроить, но…

–Какие «но», Мишенька! Мы ж понимаем, оставляй Валека, присмотрим, если что Бронислава поможет, у неё Лёлька чуть старше, вместе играть будут, – Юзефа смотрела на зятя с жалостью, – устал ты, Миша! Служба, ребёнок, Мария вот… – и она заплакала.

Ян, стоявший немного в стороне, бережно обнял её, что-то бормоча себе под нос, потом перевёл взгляд на Михаила и произнёс:

– Что сделаешь, болезнь, никто не виноват в этом! Ты уж, Михаил, человек военный, служи коли надобно, а мы тут справимся.

Михаил подошёл к кровати, поцеловал мирно спящую Марию, поправил сползшее одеяло:

– Выздоравливай, Берегинюшка!

Потом нежно обнял малыша и, смахнув скупую мужскую слезу, шагнул за порог.

Шли годы. Валентин жил то с отцом, то с бабушкой. Марии даже если на какое-то время становилось чуть лучшее, она так и не выздоровела, болезнь прочно держала ее в своих клещах. Никто не мог сказать в какой момент ей откажет рассудок и что она сделает. Да ещё к ослабленному организму и туберкулёз прицепился. Периодически повторялись критические ситуации, когда она находилась на грани жизни и смерти. Но все как —то отводило. Местные врачи ничем не могли помочь, разводили руками и лишь советовали отправить в Уфу к какому-то знаменитому доктору. И климат там помягче, и медолечение опять же.

Яну, как бывшему ссыльному политкаторжанину, выезд из Хабаровска был запрещён, а оставить его одного Юзефа тоже не могла. Поэтому нашли попутчиков и отправили Марию лечиться.

Но тут наступили кровавые времена. Дальний Восток пылал. Белый террор, красный террор, брат шёл на брата. Ни весточки не дождаться, ни самому выбраться куда-либо возможности не было. Подросший Валентин жил с отцом в Харбине. Мать приходила к нему в снах красивая, здоровая, радостная. Он ждал её возвращения с нетерпением, ему было интересно посмотреть на ту, которую он едва помнил, но всегда любил.

А потом многое поменялось. Взрослая жизнь настолько непредсказуема, что порой диву даешься, какие фортели она выделывает. Узнав, что мать скончалась, Валентин сбежал от отца в другой город. Был волонтером, радиотехником, механиком. Женился. В душе он помнил родных – маму, отца, бабку с дедом, но никому не рассказывал о них. Кто знает теперь, почему не стал разыскивать их. Скорее всего в послевоенное время все сидели тихо, лишнее слово могло послужить поводом оказаться за колючей проволокой или того хуже. Черный воронок в любую ночь мог подъехать и увезти неизвестно куда.

Отец нашёл сына только через 22 года. Вспоминали ли они Марию, Берегинюшку – неведомо. Детям своим Валентин о ней не рассказывал никогда. Но жизнь продолжалась. Ушли в небытиё и Михаил, и Валентин. Встретились ли они там с Берегинюшкой?

Однажды в самый обычный день Нина неторопливо шла по парку, погода была какая-то неустойчивая, не то дождём хотела разразиться, не то солнышком обогреть. Она рассеянно скользила взглядом по макушкам сосен, кустам сирени и боярышника. Подняв голову, неожиданно увидела, как через всё небо гигантской разноцветной дугой перекинулась яркая радуга, концы которой прятались за горизонтом с обеих сторон.

– Красиво то как! – невольно вырвалось у неё.

Любуясь, она не отрывала взгляд от протянувшегося через всё неба яркого коромысла. Рядом затрещала сорока, будто торопясь что-то рассказать ей. Потом перелетела на соседнее дерево и снова затрещала. Нина засмеялась и двинулась в сторону, но птица упорно летела за ней, громко стрекоча. Словно своими кияя, кик, киа призывая женщину следовать за ней..

– Что за переполох ты устроила, птица, – улыбнулась Нина, остановившись, – ну, и куда прикажешь идти?

Сорока понимающе махнула крылом и последовала в отдалённую часть парка.

– Ты что, меня спрятать хочешь, или на растерзание кому ведешь? – сделала женщина серьёзное лицо.

Но тут налетел слепой дождь, поднимая фонтанчиками пыль на тропинке. Погрыз стволы берез и сосен, побарабанил по листьям, потом взялся за беседку. Нина побежала в укрытие и плюхнулась на скамейку, стряхивая капли дождя. Закрыла глаза и прислушалась к шёпоту дождя. А когда открыла, то сорока куда —то пропала, и на другом конце скамейки сидела молодая женщина.

Нина не видела её лица. Но что – то неуловимо знакомое, родное было во всей ее фигуре, наклоне головы. Даже в том, как она дышала. Нина почувствовала волнение, которое перешло в изумление при первых словах говорящей.

–Здравствуй, Ниночка!

Голос звучал по – особенному мягко и напевно. На удивление быстро Нина пришла в себя. Словно, ничего необычного в этом не было – женщина кого-то неуловимо напоминала, но однозначно Нина её видела впервые.

– Рада, что нам выпало встретиться и поговорить, – продолжала женщина, – для меня очень важно передать тебе то, что я не смогла сказать ни сыну, ни мужу. Удивительно: нам немного дается времени на земле. И часто мы тратим его на пустые разговоры. Оставляем без внимания самое главное.

– Вы кто? Откуда меня знаете? – вышла из ступора Нина.

– Твоя бабушка, Мария, – женщина тряхнула каштановыми волосами, и они рассыпались по плечам, – хочу поблагодарить тебя, что вспомнила меня, внученька, и ты, и твои родные, – мы ведь одного Рода-племени. Спасибо тебе за наследников, которым ты дала возможность прийти в наш Род. Спасибо за то терпение, которое ты проявляешь в жизни. Я всегда понимала, как нелегко тебе приходится порой. Жаль, что мы не были рядом при жизни, но на всё воля Бога.

Нина сидела и слушала, затаив дыхание. Она чувствовала, как слезы начинают подступать к глазам. Попыталась сказать то, что было у нее на душе и терзало ее. Мария остановила ее легким движением руки.

– Погоди! Знаю, что тяготит тебя. Мы здесь всё знаем.

Нам открыты все мысли и движения души. Тебя мучает совесть, что ты прежде не знала, не искала меня. Не казни себя! Всему своё время. Ты сделала это, когда смогла и я благодарна тебе за это… Мои правнуки, праправнуки теперь знают меня. Я горжусь тобой.

Нина давно не сдерживала слез, стекавших из глаз ручьем.

–Что, что она говорит? Это я должна просить прощение и каяться! – стучало в висках у Нины. Прости меня! Прости! – вырвалось у нее сквозь рыдания. – мы все виноваты! Если бы можно было… …Все бы было по – другому…

Она почувствовала, как легкая рука бабушки прикоснулась к ее волосам.

– Успокойся, родная. Ты сделала все, что могла. Не терзай себя. В жизни у тебя и наших самых родных и дорогих людей еще столько хорошего. Цените жизнь, дарованную вам. Она так прекрасна! Так много радости на вашем земном пути. Следуйте ему. За меня будьте спокойны. Я сделала, что могла. Теперь я иду другим путем. Он не менее важен и ценен. Помощью мне будет ваш душевный покой и светлая грусть. Не скучайте обо мне. Вспоминайте с радостью и со светом. Помните: я вас всех люблю.

Радуга по-прежнему сияла на солнце. Дождь прекратился. Нина потрясла головой, зажмурила глаза, и вновь открыла. На скамейке она сидела одна. Выйдя из беседки и оглядев-

шись, заметила, как светлым облачком исчезает, растворяется вдали сорока. Опустошенной и обновленной Нине дышалось по—особенному легко. Она перевела взгляд на макушки деревьев, на голубое небо и исчезающую радугу.

– Мы тебя помним, Мария! – прошептала она.

На душе стало светло и легко. Надо жить дальше, творить добро, искать предков и помнить, что без них не было бы продолжения Рода.

Русалочий подарок

Анна сидела на берегу величественного и прекрасного Амура и тихонько напевала про тонкую рябину, с грустью понимая, что и голос уже не тот, да и сама не больно молода. Вся жизнь пронеслась перед её взором за несколько мгновений. Она вспомнила, как однажды пряталась в лесу ночью, а под утро над нею раскрылась радуга. Соседский мальчишка, Прокопий кажется, сказал тогда, что это русалочьи проделки. Но тогда к её ногам с ветки скатился прозрачный трепещущий шар. Он был крохотный, уместился бы на ладошке. Она коснулась его, и тут же одёрнула руку, потому что услы-

шала голос и испугалась. Отзвук небесного голоса остался внутри неё искристой солнечной музыкой и ощущением лёгкости и тепла.

– Что это? – воскликнула она тогда и прислушалась.

Ощущение это тут же прошло, и всё стихло. Любопытство пересилило боязнь, ей захотелось ещё раз почувствовать это тепло, и маленькая Анютка взяла шар в руки. И снова услышала тёплый волшебный, будто переливающийся звонкими колокольчиками голос:

– Хочешь узнать волшебство? Покрути меня и подбрось на ладони!

Анютка закрутила шарик на ладони, подкинула вверх и поймала. Тут же её закружило, завертело в каком-то бешеном танце, и она услышала мелодию. Звучало всё – листья, трава, воздух, паук на ветке, пела ель. Как она раньше этого не замечала? Ветер касался ветвей деревьев, и они ему пели. Трава мягко шелестела под ногами. Звучали, падая, капельки росы. Каждый листик издавал свою мелодию. Это было удивительно и сказочно.

Счастливая Анютка даже забыла, что дома получит нагоняй. Бежала к заимке вприпрыжку и прижимала волшебный шарик к груди.

– Ля-ля-ля! Ля-ля-ля-ллля-ля, ля! – напевала она в такт звучащей вокруг музыки.

Внутри неё рождались слова. Мелодия будто подхватывала эти слова и складывала их в некий ритм, а потом слова превращались в настоящую песню. Ей не терпелось скорее добежать до дома, и показать подружкам, как у неё ловко получается. Но тут случилась беда, речка сменила русло, их дом обвалился и придавил маму, братишку, отчима. Осталась она сиротинушкой. Старая Марфа приютила её у себя, но однажды услышав песни, стала расспрашивать, откуда и когда голосок такой звонкий прорезался. Бесхитростная Анютка рассказала о ночи в лесу. Про то, как ей было страшно и как русалки раскинули радугу, подарили светящийся шарик.

– Кто это тебе про русалок наплел? – взвилась бабка.

– Так Прошка, он тоже там был.

– Это они, русалки проклятущие, Летку вспять повернули, родных погубили твоих, плата то была за твой голос, девонька! – заплакала Марфа, – ты уж никому не рассказывай больше, не то погубят тебя, изведут мужики и бабы, коли дознаются.

В ту ночь за заимкой всё утопала во мраке, и даже редкие отблески домашних очагов не разгоняли тьму, клубящуюся вокруг. Темнота почти полностью захватила окрестности, но тропинка ещё проглядывалась. Скоро и эта возможность исчезла: луна, против обыкновения, не спешила помогать Прошке, спешащему скрыться среди деревьев. Пели

сверчки свою заунывную мелодию, силясь перекричать друг дружку, словно сомневались, что солнце село. Со стороны леса послышался шорох, хрустнула сухая ветка. Мальчик замер и прислушался. Быть может, кто-то на неё наступил? Но кто? Зверь? Но, звери осторожные. Лихой человек? Только кто будет бродить за частоколом впотьмах, рискуя повстречаться с нечистью? Это он, Прошка, тут все тропинки истоптал давно, в любой темноте бесшумно проберётся, куда хочешь. Простояв неподвижно несколько минут, мальчик вновь услышал хруст веток и шорох листвы внизу. От страха сердце его замерло в груди, а потом бешено заколотилось. Он тихо свистнул и прошептал:

– Наумко ты? Чего прячешься?

Среди густых ветвей высоких деревьев эхом пролетел голос филина. Но вот уханье птицы послышалось совсем рядом. Зашелестела листва на соседнем дереве. Прошка всмотрелся в темноту в надежде разглядеть хоть что-нибудь.

– У-ху! у-ху! – закричал филин. Он огромной тенью устроился в спутанных ветвях, пристально следя за мальчиком.

В воздухе висел запах древесной гнильцы и ночной сырости. Рядом шевелилась тайна, она ходила вокруг мальчика кругами. А тот, хоть и опасности ночного леса пугали его немного, съёжился, нахохлился, но сдаваться не собирался! Раз уж собрались они с дружком бежать в края дальние, так

чего отступать.

– И где этот Наумко запропастился, – стучало в висках, – обещал же. Видать не смог незаметно скрыться. Эх!

О возвращении домой нечего было и думать. Тихонько пробраться в избу уже не получится, маманька сразу всполошится. Она думает, что он давно спит с младшими братьями, а отец ещё и трёпку в придачу устроит. И мальчик, решив ещё немного подождать, устроился под разлапистой елью и, пригревшись, задремал.

Ему снилась огромная птица со здоровенным размахом крыльев. Пестрые перья у неё лежали перышко к перышку. Когти как кинжалы у турков. Глаза огромные. И взгляд такой, так и кажется – не лезь, прибью! Филин ехидно произносил только два слова «уху» да «угу», но столькими разными интонациями, что вполне можно было понять, что хотел сказать: «Домой иди! Мал ещё!» А если слов ему не хватало, то начинал устрашающе щелкать клювом. Прохор хотел возразить, что уже почти взрослый, одиннадцать стукнуло на днях, но не смог и рта раскрыть, глядя на грозную птицу.

Постепенно кромешная темнота ночи стала бледнеть, пропуская сквозь скудный просвет ветвей брезжащие блики утренних сумерек. И тут Прошка услышал какие-то всхлипы.

– Кто это там? – прошептал он тихо.

Осторожно на четвереньках выбрался из-под ветвей,

встал на ноги, быстрыми движениями отряхнул одежду от налипших хвоинок и земли, огляделся.

– Кто это там? – повторил чуть громче.

Серая тень выползла из-за кустов и замерла на месте. Пока она была неподвижна, её трудно было заметить.

– Свят-свят-свят… – забормотал, крестясь, Прошка, ему стало не по себе.

Однако уже вскоре стало ясно, что это соседская девчонка Анютка сама трясётся от страха и утренней прохлады. Её отец умер, когда она была совсем крошкой, а мать вскоре вышла замуж за другого и родила ему сына. Ни отчим, ни мать, мягко говоря, девочку не любили и находили удовольствие без конца шпынять её по каждому пустяку. А вчера девчушка разбила крынку с молоком и до того испугалась, что сбежала еще с вечера и просидела здесь в лесу всю ночь, плача, дрожа от темноты и страха, что ее теперь прибьют. Всё это Анютка выложила на одном дыхании Прошке, который зная её, по-своему всегда жалел. Но тут он растерялся. Сам не ведает, куда ему теперь, да ещё девчонка эта, словно клещами вцепилась в него. Только ж не бросать её здесь…

– Понятно, – Прошка продолжал лихорадочно размышлять, – только куда с тобой?

Хмурая, грустная Анютка сидела на пенёчке и болтала ножками в такт своим невесёлым мыслям.

– Плохо, – думала она, – снова плохо. Вот всегда так…

Но тут тихий утренний лес заухал, шумно заворочался вокруг детей. Листья берёз зазвучали, зашевелились, иглы на соснах и елях встали дыбом, а липы и осинки то скрипели и бряцали, то звенели. Ту – тум… ту – тум… ту – тум… Лес светился. Анютку всё это поразило, как внезапный раскат грома, который не даёт времени заткнуть уши, как вспышка молнии, которая не даёт времени закрыть глаза, и она замерла не то от страха, не то от восторга. Паренёк немного насторожился, прислушался, но ничего опасного в этом не усмотрел. Он от деда не раз байки слышал, что русалки резвятся по утрам, радугу расстилают, да катаются по ней. Просто сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

На заимке тоже проснулись, заметив сияние над лесом, но недолго любовались им. Оттуда вдруг раздался грохот, словно нёсся дьявольский табун, круша деревья и кусты. Он сшибал всё на своём пути, мелко вздрагивала земля. Вскоре грохот утих, в последний раз громыхнуло, и в лес вернулась первозданная тишина, сквозь которую послышалось нарастающее журчание воды. Через лес, дорогу и деревню проходил громадный ров! По пути он задел две крайние избы и разметал их по бревнышкам, а дойдя до Летки, остановился, и речка, изменив русло, теперь почти вся текла по этому рву в лес, куда-то к болоту. Люди, молча, стояли на высоком валу вывороченного дерна и разглядывали обмелевшую ниже по течению Летку. По дну рва бежал уже посветлевший

поток воды, направленный чьей-то волей в другую сторону.

– М-да, – проворчал дед Василий, теребя бороду, – что делать-то будем? Придётся видать переселяться!

– Дык, ходоки то только вчерась вернулись в Терени, кто знает что там выведали? Какая она жизнь в землях дальних, – почесал в затылке Федот, – двинемся гурьбой, а не выгорит дело-то?

– Завсегда ты, дядька Федот, сомневаешься, – вмешался молодой Афоня, а вот где нам теперь жить? Избу—то разметало, ладно лошадей успел вывести…

Но его быстро осадили, что не он один пострадал. За спорами никто не заметил, как из лесочка выскочили малец с девчушкой и, словно тени, проскользнули в толпу мужиков и баб, жадно вслушиваясь в споры. Они радовались, что никто не заметил их отсутствия, и переживали со всеми, предчувствуя перемены.

Молчала Анютка, всю жизнь молчала, но помнила те удивительные времена. Солнечные, с ожившей повсюду музыкой. Её таскали на посиделки, просили петь обрядовые песни, и она, чувствуя свой дар, ощущала его волшебство.

Ей хотелось поделиться, рассказать о нём, и в то же время она боялась. А жизнь текла своим чередом. Уехала она вместе со всеми на край света. Красиво здесь, просторно. Но нет тех лесов вятских, не водятся русалки, и всё здесь иное. Да и песни из жизни стали потихоньку уходить, не пе-

лись, не было на них больше времени. Столько важных дел навалилось – дом, семья, хозяйство…

Или ей только казалось, что дела важные?

Старая Анна тихо-тихо запела вечную песню о сердце леса, о радуге и русалках. Она знала, что прожила долгую счастливую жизнь, но будет ли она жить в сердцах потомков, ей было неведомо. Большая тяжёлая слезинка упала ей на самый кончик всё ещё курносого носа и скатилась по щеке.

Прогулка под звездами

Завораживающая взгляд красота леса укуталась в белый пух вычурных снежинок. Березы ажурными арками склонили свои ветки под тяжестью снега. Скинув свои пожухлые осенние наряды, они теперь, в надежде согреться, жмутся к елкам в нахлобученных белых мохнатых шапках. Софьюшка подставила ладошки в пушистых белых варежках и на них тут же опустились снежинки.

– Что это? Замерзшие слезы ангелов или маленькие звезды со вкусом волшебства? – повернулась она к Ярику. Приоткрыв губы, начала ловить ртом снежинки. Бесподобная, ни на что непохожая свежесть так и разлилась по её телу, – ну, что скажешь?

– Ты такая красивая, – обняв девушку и на секунду вдохнув её аромат, загадочно улыбнувшись, произнёс парень.

–Вот всегда ты так! – капризно надув губки прошептала девушка, – я ему про снежинки, а он мне про красоту заливает! Ой, кажется, ветер усиливается! Может, нам лучше где-нибудь его переждать?

– Недалеко есть кафе, – показал Ярослав на небольшое здание, видневшееся в конце аллеи.

В глубине парка что-то со стоном переломилось, затрещали ветки, небо над молодыми людьми заволокло снежной пылью, и они бегом припустили в кафе. Раскрасневшиеся с мороза, потирая руки, они сразу почувствовали, как здесь уютно. Решив, что такой насыщенный день требует достойного завершения, заказали блинчики и эспрессо. Устроились за столиком и принялись делиться впечатлениями.

– Сегодня звездная ночь, только огни города мешают это видеть, но я это точно знаю, – произнёс Ярослав, и я знаю на небе одну очень яркую звезду. Это звезда разбитой любви.

– Кто её разбил? – засмеялась Сонечка.

– Не смейся! Это легенда моих предков, – серьёзно ответил юноша. Они любили друг друга, но случилась беда. Так ведь бывает. Про эту звезду дерзкой разбитой любви рассказал мне дедушка.

– Сказки всё это, пойдем ещё погуляем, метель вроде утихла. Только про разбитую любовь я не хочу слушать, луч-

ше я тебе расскажу историю моей старой бабушки, которая жила так давно, что ни мама моя, ни бабушка её не застали. Хотя прожила она 101 год.

Молодые люди двинулись по улице. Снег под их ногами то скрипел, то попискивал: «Хрум-хряпсь, хрум-хряпсь…» Желтые фонари светили через один, да и те просто подмигивали, зато хорошо на тёмном ночном небе виднелись горсти звёзд, словно разбросанные чьей-то щедрой рукой. Убывающая луна большим ломтем брынзы шмякнулась набок и болталась над крышей высотки. Любуясь зимней красотой, они какое-то время шли молча.

– Эту историю я услышала от своей мамы. Она – от своей, но когда это было точно – не скажу, – начала свой рассказ девушка, – По-видимому, рассказ слегка менялся, обрастая все новыми и новыми подробностями, так что в конце концов стало неясно, где правда, а где выдумка в этом клубке обстоятельств.

Говорят, её звали Нюрой. Жила она в большой, любящей семье. Жили они скромно, всего хватало, и хорошего, и плохого. А лишнего не надо было. Росла она среди братьев, под их защитой и опекой. Всем забот и хлопот по хозяйству хватало, и родителям и ребятишкам. Но не жаловались они на судьбу, а дружно со всем справлялись. Жили в великой глуши. Поля, а среди них избы. Зимой безграничное снежное покрывало, летом – море хлебов, трав и цветов… И ти-

шина этих полей, их загадочное молчание… Глубина неба, даль полей говорили девочке о чем-то ином, вызывали мечту и тоску о недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему…

Михайловка сейчас затерялась где-то на просторах страны, а тогда село было большое. Частенько сидела Нюра у окошка, глядя на ночное небо, и загадывала звёздам свои смешные желания. А днём тоже там устраивалась: то с прялкой, то с вышивкой, а то и с книжкой. Любила к реке бегать и зимой, и летом, смотреть, как новый день рождается. Как красное солнце, потягиваясь, вылезает из одеяла, зевает и открывает глаза, освещая весь мир. Чудо – чудное. А валуны, разбросанные по берегу каким-то великаном… Дивилась, как волны шмякаются, да разбиваются о них с силой на сотни маленьких брызг. Так и звали её фантазёркой.

Однажды Нюра ранним утречком к реке побежала. С вечера шёл снег. Всю дорогу ноги утопали в сугробах по колено, а то и больше. Деревья под тяжестью снега опустили ветви к самой земле. Они были похожи на огромные белые колокольчики, которые свесили головы после дождя. Ей так хотелось весну. Чтобы ручьи, лужи, червяки, почки. Чтобы птицы вернулись, чтобы деревья оделись, чтобы небо прозрачное и солнце яркое. А пока белым-бело, изгибы сугробов вокруг. Строгая красота белого, разбавленная хмурым небом и темной зеленью хвои. Стынь настоящая.

– Доброе утро, прекрасная незнакомка! – услышала она певучий голос, – не помешаю?

Молодой человек встал рядом и тоже уставился на заснеженную реку. Нюра повела плечом и отвернулась. Ей стало неловко.

– Позвольте представиться, Филимон, – произнёс молодой человек, – я вижу, вы ранняя пташка. Часто здесь по утрам гуляете?

– Дома сидеть, может, и хорошо, да жизни не увидишь, а тут прелесть кругом! – тихо улыбнулась девушка, поворачиваясь к молодому человеку.

– Да что ж здесь красивого?

Нюра пристально посмотрела на юношу:

– Видите ели натянули шапки, подняли воротники? Величественные, могучие, а от мороза прячутся – девушка нахмурилась, – а берёзки, будто девчонки шаловливые, их не то в плен взяли, не то они хороводом вокруг пошли. Сорока топчется на пеньке, словно не знает с чего начать. А солнце? Огромное, красное, как переспелая ягода. Разве это не замечательно? – Нюра стала быстро подниматься по тропе вверх.

– Куда же вы убегаете, красавица? Как вас зовут? И где вас искать?

– Сколько вопросов! – она звонко рассмеялась и словно яркая бабочка замелькала среди деревьев.

– И всё же? Сегодня вижу вас впервые, но кажется, знал целую вечность! Вы прекрасны!

Но в ответ он услышал только шелест танцующих на ветру ветвей.

Им ещё предстояло встретиться, не скоро, но всё же… Пройти вместе целую жизнь, взявшись за руки. Через войну, реформы, перемены. Через хаос и туман, восторг и горе. Жизнь она такая непредсказуемая. Ведь мир не подстраивается под нас. Он просто существует.

А пока, раскрасневшаяся, не то от бега, не то от смущения Нюра подходила к дому. Она закрыла глаза и с удовольствием вдохнула Жизнь. Сердце её громко стучало, в нём зарождалось что-то новое, доселе неведомое.

Филимон смотрел ей вслед взволнованный, так же обрадованный этой встречей, как и она. Вот он простёр к ней руки, желая обнять. Но сколько не тянулся, достать не мог, он был вроде и близко, но всё равно далеко. Вдруг ему показалось, что разделяет их такое огромное пространство – между ними весь мир и вокруг них такая тьма.

Война с турками набирала размах, и вскоре забрали Филимона на фронт. Целый год он ползал по окопам, шёл в атаку, убивал, брал в плен, пока шальная пуля не настигла его. За что, почему? Гнев закипал внутри. Он поклялся себе выжить любой ценой. Ему надо было вернуться живым, найти ту красавицу, что завладела его сердцем. Как оказался в лазарете не помнит. Когда очнулся, увидел, что мимо его койки беспрестанно снуют санитары с носилками, раненые при-

бывают и прибывают. Смрад и удушливый дым пороха защекотали ноздри, напомнили ему, что вокруг война и лазарет совсем рядом с линией фронта. Сколько товарищей осталось там на поле? Живых? Мертвых? А что впереди? Он пытался стряхнуть эти мысли, но они назойливо стучали, бились в воспаленном мозгу, тяжелым гнётом ложились на сердце.

Выздоравливал Филимон медленно, он лежал с закрытыми глазами и вслушивался в тот мир, где ему предстояло жить. С удивлением ловил себя на мысли, что общаться со сверстниками ему не хотелось, искал общество старцев, чтобы обстоятельно поговорить за жизнь: о раздорах между правителями, о войне, да и совета спросить. Всё это больше притягивало Филимона, чем разухабистые песни и шутки молодых. Мечта найти свою фею, казавшуюся сотканной из лесных цветов, летнего ветерка и солнечного света помогла ему выжить. Он мечтал упасть перед ней на колени, взять её маленькую руку, положить свои победы, награды и доблесть, всё, чем обладал, к её ногам, как трубадуры – песню любви.

И вот он возле того дома, где когда-то скрылась незнакомка. Юная прелестница, фея… Изможденный, в потёртой шинели, он робко стоял у изгороди, не решаясь ни постучать, ни войти. Неожиданно дверь распахнулась и на крыльце появилась ОНА. Их взгляды встретились, и время замерло… О чём они говорили, было непонятно, однако остального ми-

ра для них явно не существовало. Он был задвинут на задворки Вселенной и тихо пылился там вместе со всякими ненужными вещами.

Вскоре в невестином доме появились сваты, вовсю расхваливавшие жениха. А потом честным пирком, да за свадебку. Свадьба была не роскошной, но шумной, а молодым главное было быть вместе, рядом друг с другом… Филимон поклялся перед Богом у алтаря, что единственной целью его жизни будет сделаться достойным Нюриной любви.

Филимон, посадив невесту в выездную, праздничную коляску, подвёл коня, впряг, потом поклонился родителям, попрощался и молодые поехали в Покровку. Нюра всё время оглядывалась. А мать долго стояла у ворот и крестила их вслед.

Первое время Нюра часто навещала родителей. Филимон понимал, как ей тоскливо и непривычно на новом месте, он жалел и любил её всей душой. Тяжело привыкать к другому дому и строгой свекрови, которая заправляла всем в доме. Физически крепкая, среднего роста, трудолюбивая и быстрая, она сама много работала по хозяйству и других заставляла.

Хозяйство и семья требовали бесконечного физического труда с раннего утра до поздней ночи. Только вечерами при лучине можно было отдохнуть за прялкой. Нюра не жаловалась, так как с детства привыкла к работе, помогая в доме,

на огороде и ухаживая за животными. С пяти лет мать учила её прясть лён или шерсть, вязать на спицах, а с семи лет она нянчила своих младших братишек да помогала готовить еду..

По весне вместе с Филимоном они пахали поле, а летом заготавливали сено. Дрова рубили зимой, иногда по колено в снегу, затем складывали на санки и вывозили из леса к избе. Главной страстью его была охота, которая заполняла всё свободное время. Редкий день он возвращался с пустыми руками из леса, а чаще приносил птицу, иногда лис или зайцев.

Со временем Нюра открыла в муже ласкового, доброго человека и привязалась к нему всем сердцем.

– Ты поспи ещё, я сам в печку дров подброшу, – часто, ранним утром он говорил ей.

Нюра полюбила его, расцвела бабьим счастьем и была довольна жизнью. У неё, через год, как и положено, родился ребёнок. Решили отпраздновать такое событие. Филимон не помнил себя от радости. Даже свекровь «оттаяла»: наследник родился, да такой крепыш, надо как полагается отметить, чтобы жизнь задалась. Приехали Нюрины родные, чтобы поздравить с первенцем.

Как-то зимой случился пожар, вся Покровка выгорела, потушить не успели, ладно сами выскочили. Первое время у родителей Нюры пожили, а потом решили двинуть-

ся в края дальние, в места запредельные, где царят дива дивные и происходят чуда чудные, человеческому уму неподвластные. Душа у Нюры кипела, разрывалась на части, было жаль уезжать с насиженных мест, в неизвестность. Ведь теперь они не увидят красот лесов, не услышат звуков ключей и речек, ни с кем из родных не обмолвятся словом. Но и в других местах люди живут обычной жизнью и занимаются своими маленькими, но очень важными делами. Так думала Нюра, а Филимон уверен был, что всё у них сложится хорошо. Нюра прижималась к его груди, видя рядом с собой его – её жизнь, её любовь, её мужа. Она прикасалась щекой к его щеке и шептала:

– Как я люблю тебя!

О, какая жизнь была перед ними! Какое неземное счастье выпало на их долю! И с той поры живет в нашем Роду Любовь и Доверие, а все семьи наши – благоденствуют, закончила свой рассказ Софьюшка, улыбаясь.

– Наверное, души Нюры и Митрофана тоже звездочками на небосклоне сияют, – добавил Ярослав, – чистая добрая история, совсем как у нас с тобой, правда? Мы же тоже встретились зимой, да? И ты такая же фантазёрка, как твоя далёкая бабушка

Девушка рассмеялась, в её глазах заплясали озорные искорки. Подхватила горсть снега и, бросив в Ярослава, побежала по дорожке вперёд. Оглянувшись, крикнула:

– Ну же, догоняй, звездочёт!

И вскоре они уже оба заливисто смеялись, время от времени что-то нашёптывая друг другу на ухо, будто боялись, что кто-то услышит их самые сокровенные мысли, хотя вокруг не было ни души.

Велислав и Меланья

Давным-давно это было, а может и не так давно. Жил-был юноша, Велиславом его звали. Всем на диво лицо его было смугловато-бледное, нежное и красивое, буйная головушка кучерява, и стан гибкий, а глаза всегда доброй искоркой светились. Ко всем относился он доброжелательно и охотно делился всем, чем мог. Родных у него не было, и соседей он считал своими лучшими друзьями. Доброта и понимание всегда при нём были. Рисовать любил, и его картины излучали теплое сияние, как и он сам. Добрые люди чувствовали радость, глядя на его творенья, в их душах зажигался свет веры и надежды на что-то лучшее. Ну, а те, у кого в душе

злость жила или зависть угнездилась, смеялись и издевались над ним.

А в дальнем селе Меланья жила, длинноногая, рыжеволосая строптивая красавица. Им бы жить – не тужить, наслаждаться душевным покоем, так ведь нет, в один весенний день свела их неугомонная судьба, и юноша влюбился. И не удивительно это было, так хороша была девушка. Только по прошествии дней понял он, что она была очень гордой и своенравной. Безмятежностью и преданностью не могло похвастаться её сердце.

Проходили месяц за месяцем. Нечасты были их встречи, и даже каждая из них представляла для юноши настоящее испытание. Неудержимым потоком обрушивались на него стрелы надуманных обид, огонь неведомо откуда взявшейся ревности и оскорбления несостоявшихся встреч. И вот увиделись они как-то раз.

– Я тебя люблю, – молвил Велислав.

–Неужели после всего, что было, ты ещё меня любишь? – произнесла девушка, и удивление читалось в её глазах, – Неужели презрение не сменило любовь в твоём сердце?

– Настоящая любовь просто светит, ничего не требуя взамен, – ответил юноша, – обиды и ревность не могут состязаться с ней, как не может стальной клинок повредить солнечному лучу. Настоящая любовь недосягаема для оскорблений и обмана, как укусы змей и скорпионов неопасны для

радуги после дождя. Я принимаю тебя такой, какая ты есть.

И вот, уже казалось, дело к свадьбе идёт, только вдруг родители девушки на дыбы встали:

– Жениться – не лапоть надеть, да и не всяк жених, кто присватался. У этого жениха в кармане одна вошь на аркане, а рублики не водятся. Просто мазнёй в своё удовольствие занимается. Вот разбогатеет, тогда и поглядим.

Велислав, конечно, удивился, но не обиделся, голову буйную не повесил, только немного опечалился и задумался, ведь девушка была ему дорога. Богатств больших, накопленных сокровищ у него не было, но и не бедствовал.

Он стоял, не зная, что предпринять, переглядываясь с девушкой, как бы спрашивая, что теперь делать. Та, молча, пожала плечами и скрылась за спиной отца. Но Велислав сдаваться не привык, собрал свои картины и решил в город отправиться, продать, денежкой обзавестись, а там видно будет. Неблизкий путь, но что делать.

– Худой жених сватается – хорошему путь кажет! А ты иди, иди! – засмеялись родичи девушки.

Молодой человек осенил себя крестным знамением, уложил свои творения в повозку и, натянув широкие поводья, щелкнул хлыстом. Лошадь тронулась. Путешествие началось. Смутные опасения, что зря отправляется в путь, растаяли на фоне великолепного пейзажа. Перед глазами простиралась холмистая равнина, покрытая лесами и рощами,

сквозь которые проглядывали пригорки, заросшие буйным многотравьем, с избами на вершинах. Всё окрест тонуло в пышном цвету: осыпались яблони, сливы, груши, вишни, роняя свои нежные лепестки в яркую зелень. Вокруг холмов извивалась дорога, то взбираясь вверх, то терялась в соснях, поднимающихся по пригоркам, подобно языкам пламени. Несколько раз он, очарованный красотой, останавливался и делал наброски будущих картин.

Из-за роскошной зелени выглядывали могучие леса, сквозь которые время от времени виднелись степи, уходившие к самому подножию гор. Когда повозка обогнула очередной холм, следуя прихотливому изгибу дороги, перед ним вырос монолит, заснеженный верх которого таял высоко в облаках, словно огромный трон. Из-за него на дорогу выскочил кот. Откуда он взялся было непонятно, но выразительная морда и пронзительные зеленые глаза смотрели жалобно. Присмотревшись, Велислав заметил на лапах и на голове несколько царапин. Судя по всему, кот недавно подрался. Опустившись на одно колено, юноша погладил кота, и тот с благодарностью откликнулся на неожиданную ласку. Он мурчал, наслаждаясь вниманием; хотя держался несколько настороженно, но Велислав чувствовал, что кот постепенно начинает ему доверять. Кот был очень худым, на шкуре то тут, то там блестели проплешины, и по-видимому очень голодный, предложенный хлеб, просто уплетал за обе усатые

щёки!

– Красавец, – засмеялся юноша, – размещайся удобней, поедем дальше, а то темнеет.

Но проехав несколько метров, заметил, как под колёса повозки бросился тёмный комочек. Спрыгнув на дорогу, юноша увидел суетящегося неуклюжего щенка.

– Везёт же мне, ещё одного друга приобрёл, – рассмеялся он, подхватывая малыша на руки. Щенок заскулил, и юноша ласково его погладил, – откуда вы только тут взялись в безлюдном месте?

С приходом вечера немного похолодало; на смену сумеркам опустилась темнота, а вместе с ней и туман, окутавший сосны, березы и дубы. Когда повозка ныряла в какую-нибудь рощу, чернота обступала ее со всех сторон и навевала тревогу. Но всё же, в конце концов, добрались до городка и долго искали, где остановиться на ночлег.

В одном из дворов, Велислав увидел старика. Тот неподвижно стоял возле избушки, глубоко засунув ладони рук в рукава кацавейки, и как будто бы был занят какою-то думой. Но вот его тёмные острые глаза придирчиво оглядели юношу с ног до головы. Поглаживая бороду, он приглашающим жестом махнул Велиславу и распахнул ворота. Пока распрягали коня, кот и щенок успели прошмыгнуть в избу и устроится у печи. Всем в этой избушке было тепло и уютно. Старик устроил путников и сам отправился спать. Утром

расспросив Велислава, глубокомысленно помолчал и сказал:

– Оставайтесь у меня, места всем хватит, рисуй на здоровье, молодец, свои картины. Скоро ярмарка, там и продашь их. А дальше видно будет! Любит тебя зазноба, так дождётся, а нет… – он развёл руками, – ты пойми, сынок, счастье оно ж за дверью не валяется. Его же заслужить надо, добиться… урвать, если понадобится. Пока у тебя есть шанс получить её, дерзай!

Велислав вздохнул и с усердием погрузился в работу, разложив краски и натянув холсты. Через несколько дней в каждом уголочке избы теснились картины, с которых смотрела рыжеволосая красавица с зелёными глазами, горы, лес и много ещё чего. Дивная красота полотен заворожила старика, и он потихоньку начал делать рамы для них, покрывая их лаком. В таком обрамлении картины смотрелись ещё краше и живее. Великолепные творенья сразу же овладели всем пространством избы, от них трудно было оторвать взгляд.

В городе начались приготовления к ярмарке, на площади должны были устроить праздник, а на большом поле за городской стеной вечером собирались зажечь огромный костёр. Уже торговцы в тележках, господа в экипажах съезжались на ярмарку изблизи и издалёка. Всё там шло своим чередом: и карусель была, и песни, и цыгане. Велислав со стариком тоже выставили свой товар. Сразу возле них образовалась толпа глазеющих. Людям не верилось, что это

не волшебство какое, они подходили, трогали, цокали языком, но покупать боялись, вдруг потом оживет картина и мало ли что натворить может. Совсем было, Велислав отчаялся, но тут подъехала карета, из которой вылез величественного вида господин в парике. Он держался уверенно, на художника даже не обратил внимания – просто скользнул по нему взглядом, но здороваться не стал. Сразу подошёл к картинам, а когда повернулся к нему лицом, то нахмурился.

– Я беру всю эту мазню! – произнес тоном, не терпящим возражений, достал из поясной сумки увесистый кошелёк и швырнул к ногам художника.

Тут же приказал слуге отнести картины в карету, еще раз окинул всех презрительным взглядом и исчез. Велислав же подобрал кошелёк с деньгами и быстро зашагал прочь.

– Вместе работали, – сказал он старику, – значит, и деньги делим пополам! – Даже не представляю, что бы я без тебя делал, – пробормотал он, уткнувшись лицом старику в грудь.

– Твой талант дан тебе не просто так, ведь ничего в мире не бывает беспричинно. Слух о нём донесётся не только до столицы, но и любого медвежьего угла. Он может прославить тебя, а может и погубить. Береги себя, сынок.

Ранним утром они тепло попрощались, и Велислав отправился в обратный путь полный надежд и предвкушения на скорое счастье с любимой. Лошадка резво бежала по извилистой дороге, унося его в родные места. Вот уже позади

монолит, где он подобрал кота. Нет той буйной зелени вокруг и осень не жалеет жёлтой краски, где-то мазнет рыжим, где-то яркий терракот оставит. И кажется Велиславу, что это Меланья ему навстречу вышла, машет руками, зовёт.

Сердце его в груди трепетало, как крылья бабочки, улыбка рвалась наружу в ожидании встречи. Когда солнце оказалось у него над головой, он решил отдохнуть, но тут из кустов показались два разбойника в меховых накидках и с мечами в руках. Кот встрепенулся и насторожённо поглядел на незнакомцев, готовый в любой момент прыгнуть на того, кто посмеет обидеть его хозяина. Головорезы сперва замерли неподвижно, и был слышен только шелест травы да шорох деревьев, потом один схватил под уздцы лошадь, а другой стукнув рукояткой меча по голове Велислава, и скинув его пожитки на дорогу, нашарил рукой кошелек. Кот с диким воплем и вздыбившейся шерстью молниеносно повис на руке разбойника, раздирая когтями кожу. Тот стряхнул кота, словно муху и, пнул тяжелым ботинком в кусты, криво усмехнулся:

– Ишь, защитник блохастый! А этого прирезать? К чему нам лишние разговоры? – обратился к другому разбойнику.

Велислав, уже теряя сознание, нащупал подрамник и, ухватив, из последних сил врезал разбойнику по голове. Тот засопел и, сдавив юношу сильней, наотмашь ударил мечом. Кинув бесчувственное тело на дороге, головорезы, прихва-

тили лошадь и скрылись в кустах. До самой темноты лежал Велислав не в силах пошевелиться, и прохладный воздух, казалось, набух и отяжелел от запаха его крови. Кот зализывал ему раны, протяжно мяукал, словно призывая на помощь. А Велислав то приходил в себя, то вновь терял сознание. Ночью кот исчез. Раскачиваясь и теряя сцепление с почвой на поворотах, шерстяной друг помчался по дороге назад за помощью.

Он начал царапать дверь в старикову избу, мяукая из последних сил, уже в который раз пытаясь понять, как же она открывается. Негромко тявкнул пёс, узнав знакомое царапанье, затем раздались шаркающие шаги, звяканье щеколды. Старик, увидев ободранного, изнемогающего кота понял, что случилась беда и, быстро собравшись, поспешил на помощь молодому другу. Луна спряталась за туманную пелерину неба. Сквозь неё виднелась желтая россыпь лунного света. Да ещё мелкий моросящий дождь начался.

Старика не пугала ни ночь, ни начавшийся дождь, ни предстоящий неблизкий путь, ведь он спешил к тому, кто нуждался в его помощи. Собака бежала рядом, а кот, выбиваясь из последних сил, полз следом. Старик оглянулся, подхватил кота на руки, что-то проворчал и сунул за пазуху. Ночь отступала, темнота редела под натиском позднего осеннего рассвета, а они всё ещё шли. Но вот те кусты, где напали разбойники. Кот зашипел и угрожающе поднял пе-

реднюю лапу.

Велислав лежал с открытыми глазами, но сил пошевелиться не было. Хрупкая радость, что ему пришли на помощь, что он жив охватила его, но тут же исчезла, как только пришла мысль о Меланье, о том, что остался без денег и в деревне его засмеют, прав отец невесты, сказавший, что им такой жених ни к чему, что у него в кармане вошь на аркане. Он закрыл глаза, решив умереть.

Но старик, ловко перевязав раны и соорудив из лапника волокушку, двинулся обратно, часто останавливаясь, давая отдых себе и раненому. Уже в избе, переложив Велислава на лавку, промыл раны, напоил отваром и сам растянулся на печи, приговаривая:

– Ничего, сынок, всё наладится! Счастье в том, что ты можешь переносить превратности судьбы, не зная заранее всех тех разочарований, которые приготовила тебе жизнь. Ты ж помнишь, счастье за дверью не валяется

Всю осень выздоравливал Велислав, он уже вставал, начал рисовать, но картины его были печальные. Он пытался вспомнить, откуда пришёл сюда и зачем, что с ним случилось, но не мог. Расспрашивал старика, а тот просто пожимал плечами, боясь разбередить юноше душу. Теперь какая-то неизбывная тоска читалась не только в твореньях юноши, но и в его глазах. К зимней ярмарке у него были гото-

вы несколько полотен, правда, каких-то неживых, всё на них было – зимний лес, река подо льдом, горы, портреты, которые он рисовал по памяти, единственное чего не было – души. Старик вздыхал и молча качал головой, что тут сделаешь… На удивление картины эти быстро разобрали горожане и даже закидали Велислава заказами, они видели только красивые пейзажи, им не нужны были те, от которых свет пробуждал радость, уверенность и любовь. Их вполне устраивали знакомые пейзажи, натюрморты, портреты.

Меланья же тем временем готовилась к свадьбе. Отец привёз ей из далёкого города богатого жениха, ведь в их глуши шанс встретить достойного, как он считал, его дочери жениха равнялся нулю. Назначили день свадьбы, и началась подготовка к венчанию. Только на душе у девушки неспокойно было, вспоминала она Велислава, как обижала, дразнила его, а он всё прощал, не обижался. А какие чудеса он рассказывал, какими нежными именами величал её! Трепетало сердце девичье. Только где же пропал он? Уехал и глаз не кажет. Как узнать? Пошепталась она с подружками, друзей Велислава расспрашивала, да те тоже ничего не ведали. Неспокойно у девушки на душе было. Все у неё из рук валиться стало.

Надоумили Меланью подружки к Ворожее сходить. Да как из дома уйти, что родители скажут? Отпросилась вечерком будто бы с подружками попрощаться, а сама на другой край

деревни поскакала. У Ворожеи все, что хочешь узнать можно, и совет она всегда даст верный. Только спрашивать её надо о том, что действительно важно. Иначе рассердится ворожея, прочь погонит, нипочем не скажет потом. Ворожея сидела за большим столом, сколоченным из грубых досок, будто дожидалась её. На столе пылал зажжённый светильник. Оробела Меланья, подошла несмело, поклонилась в пояс. Подняла Ворожея сверкающие глаза на девушку, спросила негромко.

– И кого привела судьба ко мне?

– Здравствуй, Ворожея! Меланьей меня зовут. К добру ли к худу жизнь моя будет?

–К добру ли к худу, милая, – улыбнулась Ворожея и будто на миг разгладились глубокие морщины на её лице, – не от меня, а от тебя зависит. Как жизнью своей распорядишься, туда и пойдет она. Сама ведь знаешь, что в жизни твоей неладно. Можешь так оставить, сделать вид, что всё хорошо, но и по-другому можешь. Только на другое сила да смелость нужна.

— Права ты, – вздохнула Меланья, не такого ответа ожидала она, – одно меня беспокоит. Не знаю, как подступиться. Как и где Велислава найти и тоскует ли он по мне? Совет мне твой надобен.

– Так ли ты его любишь? – усмехнулась ворожея.

–Люблю, – осеклась девушка, – жизнь за него отдам. Вот только обижала я его и родные против.

– Обиды твои поток любви перекрыли, – вздохнула ворожея. Заскрипело-зашуршало что-то за её спиной, – только ручеек крохотный из этой запруды бежит, а любви, как воде, движение нужно. Иначе застаиваться она начинает. Подлинная любовь мягко струится, как река.

– Неужто сделать ничего нельзя? Измаялась я совсем.

– Отчего же, можно. В городе твой Велислав, мается. Память у него душегубы отбили. Хочет тебя вспомнить, да не может. Если и вправду любишь, то на крыльях любви к нему перенесёшься.

– Люблю, бабушка ворожея, ох люблю! – поднялась Меланья, в пояс ворожее поклонилась.

Улыбнулась тут ворожея, провела несколько раз над светильником ладонью, пошептала слова непонятные. Девушка на волю вышла, и показалось ей, будто видения перед глазами появляются, и чувства новые её наполняют, напитывают, силы дают. И стоит она возле незнакомой избушки, а возле ног кот и собака так и вьются, ластятся к ней. В этот момент скрипнула дверь и, обрывая все её мысли, вышел Велислав. Оба замерли и уставились друг на друга в темноте, потому что каждый боялся, что любое неосторожное движение спугнёт другого.

Теперь уже было очевидно: они нашли друг друга не случайно. Мир Меланьи перевернулся. Жизнь её сошла с орбиты и летит в неизвестность. Ждет ли ее долгий спокойный

полёт или разрушительное столкновение? А может быть, она уже разбита? На кусочки раскололась – обратно не склеить. Ещё недавно Меланья представить не могла, что так легко, без сожаления, без воспоминаний о прошлом и планов на будущее, она поступится спокойной размеренной жизнью. Родители ей прочили жить благочестиво рядом с богатым мужем, воспитывать детей. А она по велению сердца сбежала в другую сторону, но это вовсе не вызвало сожаления. Выбор сделан. Путь назад закрыт. Не о чем жалеть. Что ждёт её? Она пристально вглядывалась в лицо Велислава, пытаясь угадать ответ на свой невысказанный вопрос и он, словно прочитав её мысли, мягко улыбнулся:

– Мы сегодня же поедем к твоим родителям и попросим благословения, – обретя потерянные память и любимую, он с такой нежностью смотрел на неё, то и дело поправляя ей непослушный локон длинных рыжих волос, – не враги же они тебе. Не можем мы всю жизнь прятаться? Скрываться от всех. Ну а если, что-то пойдёт не так… – он помолчал, – теперь мы вместе. Ничто не сможет разлучить нас.

Им ещё предстояла дорога домой. Трудный разговор с родителями, которым пришлось смириться с выбором дочери, ведь каждый хочет, чтобы его ребёнок был счастлив. Им ещё много чего предстояло впереди, но они нашли друг друга и вскоре заживут одной жизнью, где-то смешной, где-то солёной, в общем, самой обыкновенной жизнью двух самых

обыкновенных счастливых. Они будут счастливыми, потому что будут вдвоем, а это гораздо лучше, чем быть по одному. Он будет носить её на руках, зажигать на небе звёзды по ночам, строить дом, чтобы им было, где жить, рисовать ей картины, свет в которых будит радость в душе, поддерживает и внушает уверенность. Всё это ждало их впереди, на извилистой дороге жизни.

Не исчезнуть из-за раздоров

На удивительно красивых берегах Вережи, где могучие крепкие сосны и ели, устремляют свои макушки высоко в небо, а в окружении красивых цветов царствуют мощные дубы, стройные берёзки, да приветливые осинки с извилистыми серебристыми ивами издавна селились люди, завлеченные силой этих мест. В лесах обитали косули, волки, лисы, гнездились птицы. В дуплах старых деревьев мирно гу-

дели пчелиные рои. А в самой чащобе соседствовали лесовики и лешие. В Вереже было полно разной рыбы: плотвы, щук, судаков. А в тихих заводях, в глубине тёмных ям, плескались русалки и водяные. В светлые лунные ночи они выходили на прибрежные поляны и водили там свои хороводы.

Давно это было. Жизнь в селищах тогда не бурлила, не била через край, выплёскиваясь в небеса, а текла размеренная, понятная и предсказуемая. На одном берегу обитал могучий Род Белотура. На другом, не менее великий Род Гостислава. Соперничали они меж собой в славе и доблести.

В Роду Белотура девушки красотой, да уменьем славились. Стройные, как молодые берёзки, загорелые и обветренные на солнце, с глазами, что чистые плёсы Вережи, когда в них отражается бездонная голубизна небес. С косами густыми и мягкими, цвета спелой пшеницы эти умелицы мяли лён и пряли из него тончайшие нити. А краше узоров, что они вышивали, нигде не было. Парни да мужики баклушки делали расписные, узорчатые, кузнечили, да плотничали. А если надо стеной на защиту вставали.

Род Гостислава воинами славился. Характером и внешностью были они все приметные. Статные, русоволосые. Ловкие лучники, доблестные и бесстрашные молодцы, не прогибалась их храбрость под силой врага. А в мирное время охотой, да рыбалкой промышляли, кожи выделывали, поршни и постолы шили.

Большая река являлась общей дорогой к другим дальним селищам. Изредка туда путь держали, что Белотуровы родовичи, что Гостиславовы. Меж собой дружно жили, роднились-женились, да в гости друг к другу с добром ходили, а в трудные времена соседям на помощь приходили, как водится. Края-то лесные суровые, без помощи да поддержки соседей и не сдюжить. Однажды в лесную глушь, где лешие, да лесовики обитают, забрела Колдунья. Откуда она взялась в непроходимых местах ни одному лешему известно не было. Но, как только появилась, сразу всё наперекосяк пошло. Озоровать, да драться лесовики стали, не хозяйничать, а пакостить. Недолго радовалась старая Колдунья, что всех перессорила. Скучно ей стало, пошла она дальше по свету бродить и в какой-то неурочный час к реке вышла, к Вереже. Смотрит селища большие, чистые, людей много.

– Ох, ты ж! – всплеснула руками старая Колдунья, – непорядок!

Зашлось ее черное сердце лютой злобой. Дунула-плюнула, да и выпустила целый рой своих приспешниц. Стали они в сердца людей проникать, гнезда там свивать. Конечно, не все родовичи злым чарам поддались. Те, кто душу и разум в чистоте держали, споры черные от себя прогоняли не давали им угнездиться. Но всегда находились неуверенные, они не знали о своей силе и не верили в себя. Вот они-то ссорин-

ки в сердце впустили. Те и рады стараться, приказы Колдуньи выполнять с усердием, пока она в течение долгих, растянувшихся до беспредела часов сидела неподвижно и смотрела, не моргая, на их делишки.

Что потом случилось, никто припомнить не мог. То ли девицы что не поделили, то ли кумушки что про кого нашептали, то ли мужики договор какой расторгли, никто не заметил, но пошло с тех пор всё наперекосяк на обоих берегах, а уж меж Родов и вовсе смута непонятная. Увидела это Колдунья, криво усмехнулась, прищурившись, посмотрела с явным видом победителя на дело своих помощников, и пошла дальше раздоры, да ссоры сеять. Неспокойные времена наступили, затяжная вражда никому пользу не приносила. Дети перессорились с родителями, а родители с детьми, каждый тянул в свою сторону. Лишиться всего, перессориться почти со всей роднёй – что могло быть глупее? А вскоре встал Род на Род, полилась кровь, и усобице не видать было конца.

Много лет прошло, несколько поколений сменилось. И причин вражды уже самые старые старики припомнить не могли, а люди, что бок о бок жили, все волками друг на друга смотрели. Хирели селища, нищали год от года, и народу обитало теперь здесь вполовину меньше прежнего, казалось, что они обречены на вымирание.

Обеспокоились многие, кто-то уже пожитки собирал, говоря, что порченое это место, боги его прокляли, бежать на-

до в глушь лесную, другие просто тихо роптали, но как-то так вышло, что в обоих поселениях вспомнили о Мудрой Ведунье, что любую беду отвести может. Слава о ней по всей земле шла. Баяли люди, что видит она на семь аршин под землю, да на семьдесят семь вёрст ввысь и вокруг. Сколько лет ей было – о том никто не ведал. В глухом дремучем лесу стояла ее избушка, трудно туда добраться было, да только и шли, и ехали, и бежали, а порой – что уж – даже ползли к ней страждущие. И всяк сам дорогу к Ведунье находил, ибо у каждого к мудрости свой путь.

Вот собрались как-то каждый Род на своём берегу: старшие и младшие, седые деды и стройные крепкие отроки, сгорбленные старушки и розовощёкие девушки, подростки и совсем малые, только начавшие ходить, дети. Высыпали все, каждому хотелось знать, что с ними будет. Спорили, думали, да и порешили – каждый на своем берегу реки, и ничего о решении другой стороны не зная, что надо к Ведунье той посольство снарядить, чтобы о помощи попросить, узнать, как беду избыть, да жизнь наладить.

Судили да рядили, кому в путь отправляться. То ли старикоам с их мудростью, то ли молодым с их резвостью, то ли делегацию целую собирать. На одном берегу решили молодца снарядить Хорста, был он высок, как дубок, стройный, румяный, ладный, и вовсе не казался богатырём, но мечом и луком владел не хуже других, и к ведовству как никто другой

способен был. А с другого берега девица Цветанка в путь вызвалась идти. Родовичи возражать не стали, знали её не только как мастерицу шить, да прясть, а как бойкую, не по годам рассудительную и умную. Она к тому же не хуже любого парня луком владела и топором. Долго не тянули, всем миром посланцев своих собрали, да в путь и отправили. Тут и волшебство началось…

Долго ли коротко они шагали, каждый по своему берегу, пока не вышли к большому острову, что на самой быстрине каменной громадой высился. За, многие века потрескался он и раскололся на глыбы разной величины. А Вережа, как разъярённый зверь, по-прежнему, как билась, так и бьётся о его подножие, суетится, скачет по камням, прорывается по узким щёлочкам. Всегда, и зимой студёной и в день летний жаркий, стоит от этого непрерывный гул. Вниз по течению остров постепенно опускался, переходил в широкую равнину, покрытую травами. Хорст размышлял как перебраться на остров, когда перед ним показалась измученная тяжёлой опасной дорогой девушка.. Руки и ноги её были до крови исцарапаны колючими кустами да бурьяном, которых так много на степном бездорожье. Буйные косы спутались на голове, цветастый сарафан местами был разорван. Он и сам выглядел не лучшим образом, но ведь он мужчина.

Их взгляды на какое-то мгновение встретились. Но оно показалось им обоим долгим-долгим, как вечность. И вме-

сте с тем нежданно тревожным и радостным, волнующим и счастливым. На это мгновение для них внезапно исчезло всё, что их окружало – и остров, и река, и родовичи, что ждали их возвращения. Исчез весь белый свет. Что-то тёплое, незнакомое своим взором проникало в их молодые сердца и как бы звало, манило в незнакомые, неизведанные дали.

– Какая она необыкновенная, – подумал Хорст.

Тем временем Цветанка думала почти то же самое. Они ещё не перекинулись между собой ни единым словом, но чудесный язык взглядов сказал им больше, чем все слова на свете. Они оба поняли, что с этой поры не будет им покоя, не будет счастья-радости, если не смогут глядеть друг другу в очи, ласкать друг друга влюблёнными взглядами.

Цветанка первая отвела глаза, потрясла головой, пытаясь скинуть наваждение, и принялась осматриваться по сторонам, ища способ перебраться на остров. Не сговариваясь, они начали готовить переправу, касаясь, то и дело руками друг друга. Неудивительно, что с их характером и опытом, каждый из них хотел сделать по своему, и они начали спорить. А если два человека, полностью зависящие друг от друга, начинают ссориться, значит, беда не за горами. Так и случилось, они оба оказались в воде, но всё же, помогая друг другу, выбрались на остров. Мокрые, усталые, они долго сушились на солнце, а потом двинулись вглубь острова. Кругом высокие деревья похожие на ели, но немного иные, выше

и раскидистей. Под одним из деревьев стояла небольшая избушка с бело-голубыми ставнями. Вышитые занавески выбивавшимися углами из открытой створки приветствовали путников. На крыльцо вышла старая женщина, выглядевшая спокойной и приветливой

– Доброго здравия, Мудрая Ведунья!

– И вам здравствовать, Хорс и Цветана, – назвала она их по именам, – проходите в мое жилище, я угощу вас взваром, да пирогами. Небось из сил выбились, пока добрались.

Прокатились у них по спине мурашки. Голос у Ведуньи теплый, любящий. Но откуда она их имена знает? Удивлённые и растерянные юноша с девушкой вошли в избу. Травы повсюду, горшки, огонь в очаге. Мудрая Ведунья накормив-напоив путников, уже как будто знала всё и про селища, и про них, потому как на сбивчивый рассказ только кивала седой головой и что-то шептала себе под нос. Потом, пристально посмотрев им в глаза, молвила:

– Лежит колода посреди болота не гниет, не сохнет, а через межу брат брата не видят, – помолчала немного и добавила, – как зайдет в дом – не выгонишь колом, а пора приходит – он и сам уходит. Отыщете ответы до вечера, а там посмотрим, – подхватила лукошко и вышла из избы.

Хорст и Цветанка поначалу задумались, что за загадки? У них в селищах таких не загадывали. Спорить начали, что это за колода такая – и береза, и дуб сгниют в болоте. А ка-

кого гостя из дома не выгонишь?

– Хитрость здесь какая-то скрыта, – недовольно проворчал Хорст.

– Вот и думай какая, на то у тебя и голова, – рассердилась девушка.

Слово за слово, они и не заметили, как их разговор в ссору перерос. А Ведунья, ещё не заходя в избу, услышала злые и раздражённые голоса.

– Эка, вы расшумелись! – молвила она, – простой истины не угадали, а Роду помочь хотите!

Внезапно ударил гром – и покатился эхом над погруженным в сумрак островом. Сердце Цветанки сжала тревога. Перун рассержен! Бог молнии и грома мчится прямо сюда и издалека подаёт свой грозный голос. Юноша тоже замер от неожиданности. Когда сверкнула молния, и гром тут же прогрохотал над землёй, он, выскочив из избы, протянул руки к небу:

– Перун хочет покарать нас! Мы его прогневали! – Хорст хорошо знал, что с всесильным божеством шутки плохи, в любое мгновение Перун может обрушиться на головы провинившихся.

Тут чёрную тучу разодрала гигантская молния, и над головой перепуганных Хорста и Цветанки грохнуло так, что задрожала земля. Хлынул дождь. Холодные потоки воды обрушились вниз. Юноша упал на колени и в мольбе простёр

к небу руки. Его бледные губы истово шептали заклинания и просьбы о прощении.

– О, всемогущий Перун! Помилуй нас!

Цветанка старательно отбивала низкие поклоны, от страха у неё начало ныть сердце, но самообладания она не потеряла. Всё живое вокруг замерло: исчезли птицы, попрятались звери, замолкли всегда весёлые, шумливые сверчки и кузнечики. Только молнии, вода и гром властвовали в небе и на земле. Гроза лютовала ещё некоторое время, но силы её постепенно иссякали, а когда отшумела – всё на острове опять ожило. Закричали с хрипотцой перепёлки, взвился в небо и завис в вышине жаворонок, выглянула из кустов лисица. А из сердец молодых людей медленно уходил страх. На сей раз, грозный Перун обошёл их своей карой. Просто припугнул. Они взялись за руки, посмотрели в глаза друг другу и поклялись больше не ссориться.

Начало вечереть – солнце медленно опускалось в пышную подушку облаков и перекрасило холст неба в золотистый цвет. Лягушки, цикады, кузнечики уже начали распеваться перед ночным концертом и Ведунья, устроив уставших путников на ночлег, тоже прилегла отдохнуть. Беспокойно провозившись долгое время, Хорст уснул только перед самым рассветом, а Цветанка наоборот, утомлённая дальней дорогой уснула незаметно и сразу. Ей снилось, что она стоит на высоком помосте, закрывшись огромными огненно-крас-

ными крыльями, слушая тишину леса. Всё вокруг погрузилось в сон.

Утром в лесу было прохладно, едва рассвело, туман ещё не разошёлся. Чувствовалась ночная свежесть, и было тихо. Но уже начали просыпаться лесные обитатели. То тут, то там раздавались голоса птиц, какое-то кряканье, кряхтенье и фырканье. Мудрая Ведунья разбудила молодежь и набрала в ковшик воды. Пошептала что-то над ней и та, вспенилась, поднялась волной и, рассыпавшись на множество мелких брызг, вновь собралась в ковшике. Глубоко вздохнув, она молвила:

– Ой, недружно живут родовичи ваши. Вы и так это знаете. Колдунья Ссора Раздоровна меж селищами прошла, смуту посеяла, да ссоринки свои рассыпала. Давно это было. Они разъярили сердца, накликали, напустили беду на оба Рода. В путь вам отправляться надо, касатики! Унять Колдунью, да Любовь, Мир и Лад двух Родов освободить. Они в подземелье у неё томятся. Только справитесь ли? Вчера вон загадки простые раскусить не сумели, разлад меж вами пошёл. Врозь вы её не одолеете, а вместе справитесь, да счастье и радость Родам принесёте!

Хорст и Цветанка переглянулись и пообещали Ведунье, что больше размолвок меж ними не будет. Поблагодарили они Мудрую Ведунью. Благословить их попросили, да

в путь-дорогу пустились. Дала она им с собой котомку с провизией, стрелу острую, веревку и иголку.

– Пусть вам сопутствует удача! – молвила и скрылась в избушке.

А Хорст с Цветанкой даже понять не успели, как оказались на берегу Вережи. Позади на быстрине каменной громадой остров всё так же высился. И река, как разъярённый зверь, билась о его подножие, по камням прыгала, прорывалась в щёлочки между скал и мчалась дальше, в тёмную пучину. Долго они шли, коротко ли – то неведомо. Петляла тропа среди белоствольных берёз и редких низкорослых елей и вывела вдруг к невесть откуда появившемуся лесному озеру. Они замерли при виде такой красоты. Круглая чаша воды, чистой, темной, погруженной в сон, навевала покой. Вокруг ни души, ни ветерка, ни всплеска. По краям чаши толпятся мощные дубы и берёзы, сквозь них нелюдимо проглядывают чёрные ели.

Но чуть подальше дубы повалены навзничь, и их огромные корни, словно головы чудищ неведомых, причудливо изогнутые торчат в разные стороны. Кричат там умирающие птицы, пересыхают заиленные ручьи. Чуть слышный шорох донёсся из-за большого тёмного куста и прервал мысли путников.

–А ведь, получается, злая Колдунья может быть где-то здесь, неподалёку, – тихо сказала Цветанка.

Хорст выхватил меч и приблизился к кусту, девушка натянула тетиву. За кустами меж заскорузлых обомшелых стволов громоздились казавшиеся непроходимыми завалы бурелома, сквозь которые им всё же удалось пролезть к непонятному строению – не то избе, не то землянке. Они стояли у открытой двери и смотрели на Колдунью, не осмеливаясь позвать её или подойти ближе.

– Явились, голубчики? Что-то хорошо выглядите! Сейчас слуг своих кликну, пусть поссорят вас, да смуту посеют вокруг.

Хорст и Цветанка переглянулись и встали плечом к плечу.

– Выпусти пленников, Колдунья, – крикнула девушка, – иначе…

– Что иначе? – расхохоталась та, – да я вас сама уничтожу! Или тоже в погреб посажу!

– Ну, уж нет! – Хорст поднял меч и двинулся к Колдунье.

– Не шути так, мальчик, я, конечно, весьма щепетильна в выборе людей, но с вами справлюсь в два счёта.

– А ну, попробуй!

Хорст занёс меч над головой Колдуньи. Она съежилась, закрыла глаза и отпрянула в сторону. Цветанка выпустила стрелу, ту самую, что дала Ведунья. Тяжёлая красная стрела светящейся молнией, отбрасывая отблески на стволы деревьев, вонзилась в лоб Колдуньи. Та дико взвизгнула и с чпоканьем выдернула стрелу. Из раны потекла кровь. Разъярён-

ная Колдунья бросилась на девушку, но Хорст успел тяжёлым ударом меча по затылку повергнуть её в беспамятство. Бросив меч, верёвкой ловко крепко-накрепко связал ей руки и ноги. Но тут над телом Колдуньи поднялся чёрный рой ссоринок, они, словно осы жужжали и пытались укусить юношу. Цветанка распахнула котомку и стала загонять их туда. Казалось, невозможно собрать это разбушевавшееся войско. Изворотливые и предусмотрительные, они то удалялись, то приближались к своей поверженной хозяйке Колдунье Ссоре Раздоровне. Но всё же большую часть девушка собрала в котомку и, заколов иголкой, потрясла. Ссоринки плюхались, гудели, не понимая, куда попали, только выбраться уже не могли. Девушка с сожалением смотрела на тех, что умудрились улизнуть в сторону и мелькали вдалеке.

– Ничего, – успокоил её Хорст, – их немного, да и без хозяйки они не столь опасны! Надо вызволять Любовь, Мир и Лад, они где-то здесь.

Осмотрев каждый уголок жилища и не найдя пленников, девушка с юношей заметно приуныли и стали рассуждать, где же те могут быть. Тем временем связанная пленница пришла в себя и стала умолять отпустить её, обещая, что уйдет в чащу и не выйдет оттуда никогда.

– Где пленники? – крикнул юноша, подступая к ней близко и размахивая мечом, чтобы её убить.

– Пощады, – заверещала Колдунья. Верёвка, которую дала в дорогу Ведунья, впивалась ей не только в тело, но и в ду-

шу, не давая шансов использовать свою магию, – я покажу, где пленные, уйду далеко и не буду вам мешать, только отпустите меня!

– Ну, уж нет, – засмеялась Цветанка. Она, не опуская лука, подошла на шаг, – ты сейчас скажешь нам всё и пообещаешь вести себя спокойно, и мы отведём тебя к своим родовичам. Пусть они решают твою судьбу!

Колдунья сникла, но показала погреб, где содержались пленники и вскоре Любовь, Мир и Лад были на свободе. Сразу возникло ощущение, что вокруг неуловимо меняется всё, будто кто-то распыляет добрые чувства и эмоции. Стало теплей, озорное солнце подмигивало сквозь таинственные переплетения ветвей, свежий ветерок шелестел по кустам, ворошил листья, так что их бледные изнанки удивлённо переворачивались вверх. Бесподобный аромат счастья и блаженства благоухал вокруг. Подхватив котомку с ссоринками, Хорст и Цветанка двинулись домой. Вокруг витал божественный флёр безмятежности, нежности, благополучия. Связанную, понурую Колдунью они вели за собой. Шли через леса и горы, поля и поселения, наполняя пространство вокруг этим бесподобным состоянием. Мир, Любовь и Лад устанавливались на их пути. Утихали ссоры, зарастали раны, деревья радостно махали им вслед своими ветвями, а цветы распускали бутоны. Они уже подходили к своим берегам Вережи, когда их застала ночь. Как-то незаметно сникла ру-

мяная краса-зорька, быстро загустели сумерки и обернулись вскоре темнотой. На небе замигали мелкие звезды, а из широкой долины Вережи на крутые холмы потянулись сырой туман и прохлада.

– Не надо мешкать, – сказала Цветанка, – нужно поскорее добраться к нам, до селища. Там старики решат, что с этой обузой, – она кивнула на Колдунью и потрясла котомку с ссоринками, – делать.

Они прибавили шагу. Несмотря на позднее время их вышли встречать старшие и младшие, седые деды и стройные крепкие отроки, сгорбленные старушки и розовощёкие девушки, подростки и совсем малые, только начавшие ходить, дети. Высыпали все, каждому хотелось увидеть победителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.